

ПОДБОРКА ДОКУМЕНТОВ

ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС июнь - июль 1791 гг.

Приведено по:

Захер Я.М. Французская революция в документах. 1789-1794.

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1926.

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) ©

Из речи Барнава в Учредительном Собрании 21 июня 1791 г.

...Я напоминаю всем добрым гражданам, что при нынешних обстоятельствах особенно важно, чтобы в том месте, где общественная власть может высказываться, может действовать, она могла делать это свободно; чтобы она сохранила величайшее спокойствие, крепчайшее единение, чтобы все ее акты определялись лишь благоразумием представителей нации, чтобы на них не оказывали влияния мотивы, которые при всей их кажущейся популярности, представляли бы собой лишь результат посторонних воздействий.

Господа, Париж нуждается в силе, но он нуждается и в спокойствии. Нужна сила, но эта сила должна подчиняться единой воле, и именно вашей. С того момента, когда было бы сочтено возможным воздействовать на эту волю, общественному благу, которое одни вы призваны охранять и которое одни вы можете гарантировать, будет угрожать опасность. В данный момент опасность вызвана именно теми чрезвычайными обстоятельствами, при которых волнения возбуждаются людьми, далеко не питающими патриотических чувств и далеко не стремящимися к общественному благу.

Теперь важно, чтобы все люди, в самом деле любящие отечество, чтобы все те, интересы которых тождественны с его интересами, те, которые спасли Францию и Париж 14 июня, в тот день, которому революция обязана всем, еще раз объединились и были наготове.

Вспомните, что тогда первый импульс был дан нерассудительным, легко увлекающимся классом и что вследствие этого возникли беспорядки. Затем мыслящие люди, собственники, граждане, в самом деле преданные отечеству, вооружились, беспорядки прекратились, за ними последовали акты, в самом деле свидетельствующие о гражданских чувствах, и Франция была спасена. Таков должен быть наш образ действий. Итак, я предлагаю, чтобы Национальное Собрание приняло резолюцию, повелевающую всем парижским гражданам вооружиться и быть наготове, но соблюдать глубокую тишину в неподвижном ожидании до тех пор, пока представители нации не признают необходимым привести их в движение для поддержания общественного порядка и для защиты отечества.

Жан Жорес. Учредительное Собрание. изд. Глаголева, с.534-535.

Постановление Учредительного Собрания 21 июня 1791 г.

Национальное Собрание постановляет, что министр внутренних дел обязан немедленно отправить курьеров во все департаменты с приказанием всем должностным лицам, национальным гвардейцам и регулярным войскам арестовать или предписать арестовать всякого, пытающегося покинуть пределы государства, а также воспрепятствовать вывозу багажа, оружия, припасов, золотых и серебряных монет лошадей и экипажей. В случае, если бы курьеры достигли короля, кого-нибудь из его семьи или лиц, которые могли способствовать их похищению, то вышеупомянутые должностные лица, национальные гвардейцы и регулярные войска обязаны принять все необходимые меры к воспрепятствованию продолжения их путешествия. Обо всем происшедшем должно быть немедленно доложено законодательному корпусу.

Национальное Собрание доводит до сведения граждан Парижа и всех жителей государства, что та твердость, которую оно до сих пор выказывало при всех затруднениях, сопровождавших его работу, будет также руководить теми его постановлениями, которые будут касаться похищения короля и королевской семьи.

Национальное Собрание предупреждает всех граждан, что необходимость поддержания конституции и благо государства никогда еще не требовали с большею настоятельностью сохранения общественного порядка и спокойствия; что оно приняло самые действительные меры, чтобы напасть на следы тех, кто виновен в похищении короля и королевской семьи, что оно без всякого замедления в своих дальнейших заседаниях примет все меры к тому, чтобы общественное благо не потерпело ущерба от этого путешествия; что все граждане во всем, что касается блага государства, должны всецело положиться на Национальное Собрание и что все действия, могущие создать беспорядок, возбудить беспокойство или угрожать собственности, будут тем более преступными, что благодаря им будут поставлены в тяжелое положение как свобода, так и конституция. Национальное Собрание приказывает, чтобы, граждане Парижа были готовы к выступлению для поддержания общественного порядка и защиты отечества согласно указаниям, которые будут даны в декретах Национального Собрания. Национальное Собрание приказывает лицам, стоящим во главе департамента, и муниципальным чиновникам немедленно обнародовать настоящий декрет и неуклонно заботиться о поддержании общественного спокойствия.

Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Revolution Francaise, t.X, pp.246, 250.

Из речи Робеспьера в Якобинском клубе 21 июня 1791 г.

Вам известно письмо, оставленное Людовиком при его отъезде. Обратите внимание, как старательно подчеркивает он как все то, что задевает его в конституции, так и то, что имеет счастье ему нравиться. Прочтите этот протест короля и вы тогда поймете всю сущность заговора. Король вернется к нам при содействии Леопольда, шведского короля, графа д'Артуа, Конде и всех беглецов и разбойников, которые ради поддержания общего дела всех монархов вступят в ряды его армии, сила коей будет в его глазах значительно преувеличена. Затем будет издан «отеческий» манифест наподобие того, какой издал император, когда он покорял Брабант. В этом манифесте король скажет, как он уже говорил сотни раз: «Мой народ всегда может рассчитывать на мою любовь»; в нем будут расхваливаться не только все прелести мира, но даже и блага свободы, будут предложены переговоры с эмигрантами, вечный мир, амнистия, братство. В этот же самый момент вожаки заговора будут как в самой столице, так и в департаментах рисовать все ужасы гражданской войны...

Людовик XVI пишет Национальному Собранию собственноручно; он подчеркивает, что намеревается бежать, и Национальное Собрание, с ложью трусливой, так как оно, поддерживаемое тремя миллионами штыков, имело полную возможность называть вещи их собственными Именами; с ложью грубой, так как король имел неосторожность сам написать: «меня не похищают, я уезжаю сам, чтобы вернуться и покорить вас»; с ложью вероломной, так как эта ложь имела целью сохранить за бывшим королем его достоинство и право прийти с оружием в руках диктовать нам те декреты, которые ему будут угодны, - Национальное Собрание, говори я, в двадцати декретах осмеливается называть бегство короля похищением. И понятно, зачем.

Вам нужны еще доказательства того, что Национальное Собрание предает интересы народа? Какие меры приняло оно сегодня? Вот главнейшие из них!

Военный министр будет продолжать заниматься делами своего ведомства под наблюдением военного комитета, министр иностранных дел - под наблюдением дипломатического комитета, точно также и остальные министры. Но кто же такой военный министр? Это человек, на деятельность которого я вам неоднократно указывал. Человек, который подражает действиям своего предшественника, преследуя всех солдат-патриотов, единомышленник всех офицеров-аристократов. А что представляет из себя военный комитет, которому поручено наблюдение над военным министром? Это комитет, составленный из полковников, скрытых аристократов, наших опаснейших врагов! Чтобы сорвать с них маски, достаточно указать на их дела. Ведь именно от военного министра исходили в последнее время самые пагубные для свободы декреты...

Кто такой министр иностранных дел? Это Монморен, который месяц или две недели тому назад говорил вам, ручаясь своей головой, что король «обожает» конституцию. И вот этому-то изменнику вы поручаете ведение внешних сношений! И под чьим наблюдением? Дипломатического комитета? Того самого, где властвует Андре, комитета, о котором один из его членов мне говорил, что благородный человек, т. е. человек, который не является предателем своего отечества, не может переступить его порога... Граждане, неужели же мне не удалось показать вам всю глубину пропасти, которая грозит поглотить нашу свободу? Разве вы не видите с достаточной ясностью стачки министров того короля, о бегстве которого, я в этом убежден, знали если не все, то по крайней мере некоторые из министров? Разве вы не видите стачки ваших гражданских и военных начальников? Я не могу не поверил», чтобы они не способствовали бегству, о котором, по их собственному признанию, они были осведомлены. И разве вы не видите их союза с вашими комитетами, с вашим Национальным Собранием? И точно этот союз еще недостаточно силен, я знаю, что вам сейчас будет предложено, совещание с нашими наиболее открытыми врагами - через несколько минут сюда явится весь 89 год, т. е. мэр, генерал*, министр!.. Каким образом избежать этого? Антоний насильствует над легионами, которые должны отомстить за Цезаря, а легионами республики командует Октавий! Нам говорят о необходимости собрался вокруг одних и тех же людей, но когда Антоний расположился лагерем около Лепида и также вел переговоры о соединении, то вскоре оказался один только лагерь Антония, а Брута и Кассию не осталось ничего другого, как покончить жизнь самоубийством.

Клянусь вам, граждане, что все мною сказанное целиком соответствует действительности. Вы понимаете, что в Национальном Собрании к этому, вряд ли стали бы особенно прислушиваться, но даже здесь, среди вас, я чувствую, что понимание этих истин не даст народу спасения без помощи провидения, которое охраняет, свободу куда больше, чем ваши начальники. Но мне все же хотелось запечатлеть в вашем протоколе картину всего того, что должно с нами случиться. По крайней мере можно будет сказать, что я вам все предсказал и наметил замыслы ваших врагов. Меня ни в чем нельзя будет упрекнуть. Знаю, что путем разоблачения, опасного для меня, но не для общественного блага; путем обвинений почти всех своих сотоварищей, членов Национального Собрания,, в том, что они являются контрреволюционерами - одни по невежеству, другие из страха, злопамятства, оскорбленной гордости, третьи в силу своей доверчивости, многие потому, что они подкуплены - я восстанавливаю против себя все личные самолюбия, точку против себя тысячу кинжалов и отдаю себя во власть всеобщей ненависти. Я знаю уготовленную мне участь, но если в начале революции, в то время, когда я был почти незаметен в среде Национального Собрания, подсудный только своей совести, я отдал свою жизнь истине, свободе и отечеству, то теперь, когда избрание меня моими согражданами, общая благосклонность, снисходительность, признательность и привязанность воздали мне сторицей за мою жертву, я приму как благодеяние смерть, которая помешает мне быть свидетелем несчастий, наступление коих я считаю неизбежными. Я привлек к ответу Национальное Собрание, пусть же Национальное Собрание привлечет к ответу меня!

Buchez et Roux, t.X, pp.291-296.

Из воззвания Учредительного Собрания к французам от 22 июня 1791 г.

Содеяно великое преступление. Национальное Собрание заканчивало свою долгую работу; труды по составлению конституции подходили к концу; революционные бури утихли - и в это время враги общественного блага захотели одним преступным ударом принести весь народ в жертву своей мстительности. - Король и королевская семья похищены 21 числа текущего месяца...

Но ваши представители восторжествуют над всеми препятствиями. Они с полным спокойствием отдают себе отчет во всей тяжести возложенных на них обязанностей. Свобода будет сохранена. Заговорщики и рабы познают бесстрашие французского народа, и мы от его имени берем на себя торжественное обязательство либо отомстить за попрание законов, либо умереть!

Франция хочет быть свободной - и она будет таковой. Напрасно хотят повернуть вспять революцию: она этой дорогой не пойдет. Революция есть результат вашей воли, и ничто не задержит ее шествия...

Король, согласно конституции, имеет право утверждения декретов законодательного корпуса. Он является главой исполнительной власти и, как таковой, приводит законы в исполнение через посредство своих министров. Если он покидает свой пост, хотя бы и будучи похищенным против своей воли, представители народа имеют право заступить его место. Вследствие этого Национальное Собрание постановило, что государственная печать и подпись министра юстиции будут приложены ко всем его декретам, дабы придать им силу закона. Так как ни один приказ короля не может быть приведен в исполнение без подписи ответственного министра, то для того, чтобы уполномочить его подписывать приказы Национального Собрания и одни только эти приказы, оказалось достаточным простого поручения со стороны последнего. В этом случае применен конституционный закон о регентстве, уполномочивающий министров выполнять обязанности главы исполнительной власти до момента назначения регента.

Этим распоряжением ваши представители обеспечили порядок внутри государства, а для того, чтобы отбить нападение извне, они дали армии подкрепление в 300 000 национальных гвардейцев. Все меры безопасности приняты. Да не впадет никто в состояние паники: Учредительное Собрание находится на своем посту, и все установленные власти бодрствуют; граждане Парижа и его национальные гвардейцы, патриотизм и усердие коих выше всякой похвалы, охраняют ваших представителей; активные граждане всего государства вооружены, и Франция может спокойно ожидать своих врагов...

Следует ли опасаться возможных последствий письма**, вырванного перед его отъездом у обманутого короля, в виновность которого мы не поверим до тех пор, пока она не станет очевидной? Лишь с трудом можно понять невежество и ослепление, продиктовавшие это письмо...

Национальное Собрание торжественно провозгласило политические принципы и права, признание коих когда-нибудь составит счастье человеческого рода, и для того, чтобы понудить его отказаться от своей декларации прав, Национальному Собранию преподносят целую теорию рабства!

Французы! Вам смеют напоминать о знаменитом дне 23 июня 1789 года, о дне, когда глава исполнительной власти, первый чиновник народа, осмелился диктовать свою неограниченную волю вашим представителям, уполномоченным на составление конституции.

...Вам осмеливаются напоминать о федерации***. 14 июля! Что же думают по поводу этого торжественнейшего события те, которые диктовали королю его письмо? Первый чиновник государства вынужден был стать во главе представителей народа, среди депутатов от всего государства и торжественно присягнул на верность конституции. Если бы король не заявил, что его обещание было вырвано у него обманным образом мятежниками, то его клятвопреступление стало бы ясно всему миру. Стоит ли после этого тратить время на то, чтобы отвечать на все выставленные в этом письме обвинения?..

Вам говорят, что адреса с поздравлениями и выражением приверженности к вашим декретам есть дело заговорщиков? Да, это дело 23 миллионов заговорщиков!

Нужно было перестроить всю систему управления, ибо все органы его были в состоянии разложения, ибо огромные долги, еще более увеличенные вследствие неспособности и неорганизованности правительства, толкали страну в бездну; и после того нас еще упрекают в том, что мы недостаточно прислушались к протестам короля! - Но разве королевская власть существует не для народа? И если великий народ берет на себя обязательство ее поддерживать, те разве он не делает это только потому, что считает ее полезной? Конституция предоставила королю вполне достаточные права и укрепила его власть в тех пределах, в которых он должен был быть счастлив ею обладать. Разве ваши представители не были бы виновны, если бы они пожертвовали 26 миллионами граждан ради интересов одного человека?

Труд граждан питает государственную казну, а основным правилом неограниченной власти является взгляд на общественные подати как на долг, уплачиваемый деспотизму. Национальное Собрание установило расходы в пределах строгой необходимости, но сочло своим долгом быть от имени нации щедрым тогда, когда речь шла об употреблении части общественных доходов на издержки первого чиновника государства. И что же - более 30 миллионов, предназначенные для королевской семьи, почитаются слишком скромной суммой! Декреты о войне и мире лишили короля и его министров права приносить народ в жертву капризов двора; окончательное утверждение договоров было предоставлено народным представителем. По этому поводу жалуются на потерю прерогативы. Хороша прерогатива - не быть обязанным, считаться с волею народа, когда в жертву приносится жизнь и имущество граждан! Но это же лучше законодательного корпуса может знать желание и нужды народа? На самом же деле речь идет лишь о возможности вести войну без всякого контроля. Но разве мы при прежних правительствах не имели достаточно продолжительного опыта в отношении тех ужасных последствий, к которым приводит честолюбие министров?

Нас обвиняют в том, что мы обобрали короля, организовав судебное сословие, как будто король великого народа может участвовать в отправлении правосудия иначе, чем заставляя соблюдать законы и приводя в исполнение приговоры. Хотят, чтобы он имел право помилования и смягчения наказаний; но разве не всем известно, каким образом король пользовался этим правом и на кого распространялась его милость? Известно, что сам по себе король не был в состоянии пользоваться этим правом, и таким образом является, вполне естественным, что вслед за отменой королевского деспотизма последовала и отмена деспотизма министерского...

Общества Друзей Конституции все время поддерживали революцию. Теперь они более необходимы, чем когда бы то ни было, а нам осмеливаются говорить, что они руководят администрацией и правят государством, как будто бы являются законосовещательными учреждениями!

Французы! Все органы власти соорганизованы, все чиновники на своих местах; Национальное Собрание стоит на страже блага государства. Пусть же с вашей стороны будут выказаны твердость и спокойствие! Только одна опасность нам немедленно угрожает - вы должны остерегаться от прекращения работы в промышленных предприятиях, от неаккуратности в платеже податей, от вредных движений, которые могли бы вылиться сперва в анархию, а затем и в гражданскую войну. Вот на эту-то опасность Национальное Собрание обращает прежде всего внимание всех граждан. В переживаемый в настоящее время момент кризиса должны исчезнуть всякая личная ненависть, всякие частные интересы. Народ, который хочет сохранить свою свободу, должен выказать твердость, заставляющую бледнеть тиранов. Пусть заговорщики, надеявшиеся все ниспровергнуть, увидят, что порядок сохранен, конституция укреплена и становится тем более дорогой французам, чем более на нее нападают! Столица должна служить образцом для всей остальной Франции. Отъезд короля не вызвал никаких беспорядков, и страна, к великому отчаянию заговорщиков, остается совершенно спокойной. Чтобы покорить эту страну, нужно было бы уничтожить весь народ. Пусть деспотизм, если хочет, решается на подобную попытку - он будет побежден, или же, в случае победы, найдет одни только развалины!

Buchez et Roux, t.X, pp.413-418.

Постановление Национального Собрания от 23 июня 1791 г.

Национальное Собрание объявляет изменниками отечеству и королю всех тех, которые вызвали похищение короля или же способствовали ему, или принимали в нем участие, а также всех тех, которые с целью способствовать преступным намерениям, столь же противным правам народа, как и интересам королевства, попытались бы помешать возвращению короля и его единению с представителями народа.

Национальное Собрание предписывает всем чиновникам, как военным, так и гражданским, употребить вверенную им власть для того, чтобы способствовать обратному следованию короля, а также отражать силой, схватывать и, арестовывать всех тех, кто осмелится покушаться на подобающее королю уважение.

Buchez et Roux, t.X, p.332.

Письмо генерала Буйе Учредительному Собранию

26 июня 1791 г., Люксембург

Король сделал попытку разбить свои оковы, но слепая судьба, которой подчинены и государства, сулила иначе - теперь он ваш пленник. Я ужасаюсь при мысли, что его жизнь, как и жизнь королевы, находится во власти народа, который вы сделали кровожадным и который стал предметом презрения для всего мира. В интересах короля, вас самих, тех, кого вы называете нацией, меня самого, наконец, важно, чтобы стало известно то, что должно было явиться результатом этого поступка. Все должны знать, что король хотел лишь блага народа, хотя и несправедливого и жестокого. Свободный отныне от всех уз, связывающих меня с вами, я хочу поговорить с вами языком истины, которую вы, впрочем, вероятно, и не поймете. Король сделался узником своего народа; преданный своему государю, я, хотя и осуждал злоупотребления, являющиеся результатом слишком неограниченной власти, по мог не горевать о безумии народа и не порицать ваши действия. Но я все же надеялся, что в крице концов зло будет уничтожено, анархия окончится и что мы будем иметь по крайней мере сносное правительство. Моя привязанность к королю и отечеству давала мне достаточно мужества, чтобы переносить унижения, связанные с необходимостью иметь с вами дело. Я видел, что всюду господствует дух партийности, что одни стремятся к гражданской войне, а другие жаждут республики. В числе последних находится и Лафайет.

Появились клубы, поставившие своей задачей разложение армии; с этого момента чернь сделалась жертвой коварства и интриг. Король был бессилен и даже не пользовался уважением; в армии чувствовалось безвластие и отсутствие начальников. Тогда-то я и предложил королю и королеве покинуть Париж, ибо был убежден, что это может повести к благотворной перемене, но они от этого отказались, ссылаясь на данное обещание не расставаться с Национальным Собранием. День 28 февраля дал мне повод возобновить мои настояния, но я снова получил отказ. Король боялся беспорядков и пролития крови, королева рассуждала таким же образом. Я знал, что все государства вооружались против Франции, что король мог их остановить, что крепости были разрушены, что бумажные деньги не могут возместить недостаток в звонкой монете и что народ не замедлит броситься в объятия короля, умоляя его предотвратить угрожающие ему несчастья. В виду тех препятствий, которые имели место при поездке в Сен-Клу 18 апреля, я убедил его, что ему остается только один путь для спасения Франции. Он, наконец, согласился и решил уехать в Монмеди, имея в виду изложить иностранным державам мотивы своего поступка и заставить их отсрочить свою месть до того момента, когда новое собрание, которое он должен был немедленно созвать, дало бы им то удовлетворение, которого они ждали. Он должен был обнародовать указ о созыве законодательного корпуса, связанного наказами и императивными мандатами и сделаться таким образом посредником между своим народом и иностранными державами.

Народ, боясь, с одной стороны, захвата французской территории и стремясь, с другой стороны, к восстановлению порядка, доверил бы свои интересы мудрым людям, которые сумели бы, наконец, обуздать преступления, порожденные народным деспотизмом и восстановить при свете свободы царство разума. Такова была прекрасная мысль, заставившая короля освободиться от бдительности г.Лафайета и его прихвостней. Поверьте мне, все государи мира понимают, что им угрожает чудовище, порожденное вами, и поэтому они вскоре обрушатся на наше несчастное отечество, которое я не могу еще не признавать за свое. Я знаю наши силы; какая бы то ни было надежда химерична, и вскоре ваше наказание послужит памятным примером для потомства.

Так должен говорить с вами человек, которому вы вначале внушали жалость. Не обвиняйте никого в заговоре против вашей адской конституции. Отданные королем приказы составлены не им, а мною; против меня одного должны вы направить ваши кинжалы и приготовить ваш яд. Вы ответите за жизнь короля и королевы перед всеми государями мира, если только один волос упадет с их головы, от Парижа не останется камня на камне. Я знаю пути и сам поведу иностранные армии. Это письма есть только предвозвестник манифеста европейских государей. Они известят вас более решительным образом о войне, которая вам предстоит. Прощайте, господа!

Из речи Барнава на заседании Учредительного Собрания 15 июля 1791 г.

...С этой трибуны говорили, и где-то даже было напечатано, что причиной, склонившей ваши комитеты в пользу того декрета, который они вам предложили****, был страх перед иностранными державами. Это ложь и клевета. <...>

Меня страшит не наша слабость, а наша сила, наше возбуждение, бесконечное продолжение нашей революционной лихорадки.

Я уже говорил, что не боюсь нападения иностранных государств и французских эмигрантов и также искренне утверждаю сейчас, что я боюсь продолжения беспорядков и волнений, которые всегда будут существовать у нас до тех пор, пока революция не будет окончательно и мирно завершена. Нам не могут причинить никакого зла извне, но нам причиняют огромное зло изнутри, когда нас возбуждают гибельными идеями, когда создаваемые вокруг нас призрачные опасности доставляют некоторое доверие людям, пользующимся им для того, чтобы беспрестанно возмущать народ. Нам причиняют огромное зло, когда продолжают до бесконечности это революционное движение, которое уже разрушило все то, что можно было разрушить, которое довело нас до предела, на котором нужно остановиться, и которое можно прекратить только стремлением к миру, всеобщим успокоением, примирением, если можно так выразиться, всего того, что в будущем может составить французскую нацию. Подумайте, господа! Подумайте о том, что произойдет после вас! Вы совершили все то, что могло благоприятствовать свободе и равенству. Никакой произвол не был пощажён: вы не пощадили ни одной узурпации власти или имущества, вы сделали всех людей равными перед гражданскими и политическими законами, вы отняли обратно и возвратили государству все то, что у него было похищено. Отсюда вытекает та великая истина, что если революция сделает еще один шаг вперед, она сделает его не иначе, как подвергаясь опасности. Первое, что произошло бы вслед за этим в отношении свободы, было бы отмена королевской власти, а в отношении равенства - покушение на собственность.

Я спрашиваю тех, кто меня слышит, кто понимает вместе со мной, что если волнения снова возобновятся, если нации придется еще испытать большие потрясения, если произойдут важные события или если даже они будут только надвигаться, если все то, что ныне волнует народ, будет и в дальнейшем укреплять его беспокойство, если его влияние и дальше будет оказывать действие на политические события; всех тех, говорю я, которые понимают, что если дело пойдет таким образом, революция не будет окончена - я спрашиваю: существует ли еще какая-либо аристократия, которую можно низвергнуть, кроме аристократии собственности? Господа, люди, которые хотят делать революции, опираются не на метафизические соображения. Такие соображения убеждают и увлекают за собой лишь некоторых кабинетных мыслителей, некоторых людей, сведущих, быть может, в геометрии, но ничего не понимающих в политике; таких, без сомнения, кормят абстракциями. Но массы, использовать которые необходимо, без которых революция не делается, можно увлечь за собою только действительностью, можно затронуть только реальными выгодами. Вы знаете все, что ночь 4 августа дала революции больше сил, чем все конституционные декреты. Но какую же ночь 4 августа остается еще сделать тем, которые хотят идти дальше, если это не будут законы против собственности? А если такие законы выбудут изданы, то кто нам поручится, что при недостатке энергии у правительства, в случае если мы не окончим революции и не обуздаем движения, продолжающего ее до бесконечности, ее дальнейшее развитие не совершит само того, чего не осмелился сделать закон? Таким образом, несомненно, что революцию уже сейчас пора закончить, что уже в настоящий момент она должна достигнуть своего предела. Революция будет рассматриваться Европой и потомством с точки зрения того, совершена ли она для блага всей французской нации или только некоторых лиц. Если «она совершена для блага нации, то должна остановиться в тот момент, когда нация свободна и все французы равны; если же она будет продолжаться и дальше среди беспорядков, то сделается лишь привилегией некоторых лиц. С этих пор революция будет обесщечена, с этих пор будем обесщечены и мы сами.

В настоящий момент, господа, все должны чувствовать, что общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась. Те, которые потерпели от революции, должны сказать себе, что невозможно заставить ее повернуть обратно и что поэтому ныне ничего более не остается, как ее укрепить; те же, которые революцию совершили и которые ее хотели, должны признать, что она достигла своего предела и что благо и слава их родины требуют, чтобы она не продолжалась далее...

Из постановления Национального Собрания от 15 июля 1791 г.

Национальное Собрание, заслушав мнение своих комитетов - военного, дипломатического, конституционного, ревизионного и уголовно-процессуального, а также и комитета для дознаний и сношений - и принимая во внимание, что из представленных ему документов явствует, что г.Булье, генерал французской армии, командующий на Маасе, Сарре и Мозеле, возымел проект ниспровержения конституции, с каковой целью пытался образовать в королевстве собственную партию, испрашивал и приводил в исполнение не контрассигнованные приказы, завлек короля и его семью в город, находящийся в сфере его командования, расположил на его пути свои отряды, направил в Монмеди войска, приготовил близ этого города лагерь, пытался совратить солдат, склонял их к побегу для перехода на его сторону, побуждал соседние державы произвести вторжение на французскую территорию, - постановляет:

1) что есть достаточно оснований для привлечения к суду вышеупомянутого г.Булье, его сообщников и единомышленников, что его процесс будет начат и завершен перед Национальным Верховным Судом, временно заседающим в Орлеане, и что с этой целью переданные Собранию документы будут пересланы чиновнику, исполняющему при этом суде функции общественного обвинителя. <...>

Buchez et Roux, t.XI, p.69.

Примечания

* мэр - Байи, генерал - Лафайет, главнокомандующий национальной гвардией

** Как здесь, так и в дальнейшем, речь идёт о наглom письме на имя Учредительного Собрания, оставленном королем при его бегстве.

*** Торжественное празднество 14 июля 1790 г. в годовщину дня взятия Бастилии

**** Речь идет о постановлении Собрания от 15 июля.